

РОЖДЕНИЕ ГОРОДОВ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

7. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КУМ-ДАГА
В сорок восьмом году две скважины буровой разведки на Кум-Даге дали нефть. Впрочем, в то время еще не было никакого Кум-Дага. Была пустыня, барханная глухомань, саксаулики и змеиные норы.

Нефть, брызнувшая на чешую барханов, знаменовала рождение города. Вначале это был кратный промысел. Вокруг горбатились песчаные горы. В ветреные дни они курделись песком, а когда задувало сильнее, песчаные горы переползали с места на место, точно гигантские черепахи (они делали это незаметно, по ночам).

Осенью того же сорок восьмого года на бурзаведку Кум-Даг пробуривались через пески две машины. В одной машине ехала бригада строителей — шесть плотников, в другой везли воду. Машины карабкались с бархана на бархан, двигались со скоростью пешехода. Ревели моторы, кипела вода в радиаторах. Шоферы и рабочие то дело подкалывали бревна под буксующие колеса. Ноги наступали в пути. Машина с водой отстала. Первый грузовик дотасовал до скважины, и шесть плотников прыгнули на темную землю, пятались, точно после морской качки.

А утром вставал зеленоватый рассвет. Вулканчики дымилась барханы. Серый саксаул топырял сухие ветви на гребнях и шумел, шумел на ветру...

— Холодовая здесь... — удивился бригадир плотников Никита Новожацкий.

— Ветер, — сказал другой плотник, туркмен. — День ветер, ночь ветер. Такая земля — всегда ветер...

Три года назад мне довелось проездом быть в Кум-Даге.

Неприветливым и унылым показалось это жилище. Из одного дерева. Густой саксауликой уничтожен начисто: порублен на топливо, вытопан скотом. Песчаная пыль метается в жарком ветре. Воздух душен и пахнет запахом нефти. И только незаметной стали песчаные горы, отнесенные за окраины, но между которыми еще грохочут барханчики. — присмирившие волны некогда могучего океана...

И вот я снова в этих местах, и снова весна, знойная синева, солоноватая пыль на губах и запах пыли.

Из белого, нарядного в новенькую зеленую Невит-Дага автобус вышел в регулярный рейс — на Кум-Даг.

В автобусе едут рабочие с промысла, приславшие в Невит-Даг за покупками, туркмены с детьми, колхозники в громадных барханных шапках, везущие на рынок в Кум-Даг мешки с луком и вяленую воблу. Автобус мчится, сотрассаясь на выбоинах и реяя мотором, и в открытые окна врывается горькое тепло пустыни. Едем долго...

Каков же теперь Кум-Даг? Вырос ли, возмужал, победил ли иссушающий гнет пустыни?

2. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

«На карте генеральной» Кум-Даг не отмечен кружком. А между тем это крупнейший сейчас нефтяной район. Он дает большую долю нефти, добываемой в Туркмении. Я знал об этом и не удивился, когда увидел буйный, разросшийся на огромном пространстве лес нефтяных вышек, качалок, фонтанных скважин.

Высок и поселок. Вместо одноэтажных домов протянулась улица двухэтажных каменных зданий из «гюши» — белого камня, добываемого под Красноводском. Перед клубом нефтяников разбит сквер, залита асфальтом площадь. Кум-Даг начинает приобретать очертания города...

И все же, мне думалось, поселок за это время мог бы уже стать городом.

Впрочем, рождение города в жаркой безводной пустыне сопровождается трудностями, которые невозможно представить, не побывав в этих местах.

Пресной воды нет. Зелени нет. Тени нет. Зато есть пыльные пески, когда даже ночью задыхаешься от духоты, а днем — бросив пух, и он стоит в тяжелом воздухе, не качаясь и не падая.

Есть морозные зимы, свистящие выгонами, — снег пополам с песком. Есть ветры, кидające наземь верблюда, ветры, которые самый слабый морозец делают почти невыносимым. И есть нефть.

Кум-Даг расположен в «трубе» между двумя хребтами — Большой и Малый Балхан. Здесь излюбленное место прогулок всех ветров и бурянов, пронизывающих над Туркменией. Где бы они ни зародились, на востоке или на западе, они обязательно норовят проскочить в эту пору, срывая на лету крыш, сметая тонны песка на Кум-Даг, день превращая в ночь.

Трудно найти более неудачное место для закладки города. Но нефть не выбирает, где удобнее людям.

...Начало апреля, но бледное небо кажется уставшим от зноя. В России эта истомная голубизна бывает в разгаре лета.

Вдоль улицы водятся проносившие чалы, жаром и сущью облава лица. Брожу по Кум-Дагу, с интересом приглядываясь, как припрорывались люди жить посреди пустыни — она одна, желтая, сквозит между домами, куда ни глянь...

Ничего, припрорывались. Детки бегут из школы, смеясь, лопоча, размахивая портфелями. В Кум-Даге три школы: две туркменские и одна русская. Строится десятилетка — большое двухэтажное здание.

В киоске на площади пролетают свежие газеты: трехдневной давности московские, вчерашняя ашхабадская и сегодняшняя своя: «Нефтяник Кум-Дага».

Миллионер, мужественно закованный в мундир, расхаживает на солнышке. Тенится очередь у ларька с газировкой. В промтоварном магазине толпа — не прощешься. Привезли саратовские холодильники: уж где-где, а здесь-то на них спрос... Старый худой чабай, в огромной папаче и кургузом какаете, подползающим на вездеходике, перепрыгивает местами возле прилавка. Какой-то веселый парень хлопает его по спине:

— Что задумался, ата? Берн пылесос, у тебя ковров много!

— Пок, — вздыхает старик. — Нет...

— Какой же ты туркмен, когда у тебя ковров нету? — смеется парень.

— Пок... Ковер есть, свету нет. Кибитка живем.

Удивительный поселок этот Кум-Даг! Здесь все как будто предусмотрено для любых иллюстраций на тему «вчера» и «сегодня». Вот жмуется одна к другой, как грабли, глиняные хляжины, кибитки

с ветхими крышами, а в ста шагах от них — новые дома для рабочих, с прекрасными квартирами с балконами, с электричеством, газом. На стройплощадке движется по рельсам башенный кран новейшей конструкции, а чуть поодаль, в тени двухэтажного дома, споняются верблюды — у них ужасно нелепый вид на фоне городского пейзажа.

Основное впечатление от Кум-Дага: города еще нет, есть абрис, наметка и будущие. Между тем нефтяные промыслы — вовсе не наметка. Они растут бурно, они давно возмужали, в то время как город еще в ползеньках.

Трудности, сопровождающие любую стройку, усугубляются здесь тяготами пустыни: нехваткой воды, отсутствием дорог, тяжелым климатом, к которому русские люди привыкают с трудом, а некоторые и вовсе не могут привыкнуть. Все грузы в Кум-Даг, а их великое множество, перемещаются на машинах.

Но главный порок строительства Кум-Дага — отсутствие генерального плана. Объединение Туркменнефть (заказчик) из года в год обещает предоставить строительный генплан Кум-Дага, но его нет до сих пор.

Как же строится город? А очень просто: один квартал закончат, — к нему «привязывается» другой, другой закончат, — рядом «привязывается» третий, и так далее, на глазок. Словом, не город создается по плану, а план будет создан по городу.

Тысяча шестьсот временно, кибиток, саманных хижин облепили город. Там живут несколько тысяч человек.

Отсутствие генплана — это замедленные темпы стройки, неизбежное отставание, ибо строители лишены возможности маневрировать «сзади» и с вечно опозданием (то есть с конфликтами!) получают от заказчика техническую документацию.

Отсутствие генплана — это нехватка необходимых для города культурно-бытовых учреждений. Они выпадают из поля зрения строителей, а заказчик в первую очередь заботит промышленные объекты и жилье. И вот в районном центре Кум-Даг нет настоящей больницы, нет роддома, нет яслей, нет стадиона, нет рынка. И это рядом с мощными промыслами, оборудованными первоклассной техникой!

Отсутствие генплана — это почти полное пренебрежение нуждами благоустройства. На улицах Кум-Дага нет тротуаров. Новые дома лишены ограды, дворы заделаны горами песка.

Объединение Туркменнефть обещало сделать все возможное для того, чтобы облегчить и украсить жизнь людей маленького героического поселка, победно борющегося с пустыней.

4. «ПУСТЫНЯ ДЛЯ ВСЕХ ОДИНАКОВА...»
Из кабинета секретаря райкома партии Валиева видна асфальтированная площадь перед клубом, залитая спящим солнцем. Старый туркмен-саловник ковыряется с мотыгой в земле, окапывая тощие, недавно посаженные деревья.

— Клуб у нас неплохой, — говорит Валиев. — Зал на четыреста пятьдесят мест. А сейчас мы бьемся за музыкальную школу — очень трудно...

— Что, помещения нет?

— Помещения найдут. Человека найти трудно. Почему-то мало желающих ехать в наш Кум-Даг. Говорят: невозможно у нас жарко... — Валиев смеется, подмигивая коричневым глазом, но сейчас же вновь говорит серьезно: — Беда не только с музыкантами. Трудно найти квалифицированного работника и для клуба, и для редакции, и в школу. А почему? Вот вопрос! Вам, наверно, уже приходилось слышать...

— Насчет нефтяников и не нефтяников, что ли?

— Да, да. Возьмите наш Кум-Даг. Он родился из нефти, построен для нефти и живет нефтью. Кроме нефти, здесь нет ничего, если не считать маленькой ковровой артели. Хозяин Кум-Дага — объединение Туркменнефть. Так вот, нефтяники — это есть промысловики, разведчики, строители — пользуются определенными льготами. Они получают надбавку к жалованью за климатические условия; платят льготную квартплату. Кубометр газа стоит нефтянику чуть ли не в десять раз дешевле, чем не нефтянику, а киловатт электроэнергии — пять раз. Выходит, что нефтяник и зарабатывает больше и за квартиру платит значительно меньше, а не нефтяник — учителя, врач, слушающий почты, партийные и советские работники...

— Позвольте, но ведь эти самые не нефтяники обслуживают нефтяников, учат детей нефтяников? Мне кажется, они тоже имеют отношение к нефти!

— И мне так кажется.

Завонил телефон. Валиев снял трубку и, прикрыв ее ладонью, докончил, показав глазами на улицу: «Пустыня для всех одинакова».

— Да? Валиев слушает. Салам.

— Когда ожидать? — Он добавил фразу по-туркменски и подолил трубку.

— Буря будет. В четыре часа, — сказал Валиев, вставая и заглядывая в окно. — Из Казанджика идет. Надо предупредить промыслы...

Он снова взялся за телефон.

И выхожу на улицу. Солнце печет по щеке. Тихий ветерок размахивает над землей болы клубочки пыли. Как всегда в Туркмении, когда выйдешь из дома на улицу, болят глаза от резкого света. Через два часа все вокруг потемнело. Ветер с песком закружит между домами. Остановятся машины на дорогах. Люди не будут видеть друг друга в пяти шагах...

Но пока что пустынный, без единого облачка, небо сияет изумительной синевой.

5. УТРЕННИЙ ЧЕЛЕКЕН
После молодого Кум-Дага мне по советам людей побывавших в самом молодом городе Туркмении — Челекене. Челекене тоже город нефтяников. Тот же трест Туркменнефть начал строить его совсем недавно: два с половиной года назад. Решили ехать машиной из Невит-Дага — это шестьдесят километров по пескам. Утром прошел дождь, и шофер Вадим Жуков, опытный каракумский водитель-следопыт, говорит радостно:

— После дождя самая сила по пескам ездить! Считаю, шесть часов — и там. А раньше по восемнадцать — двадцать часов уходило, как плутали. Теперь-то жаровь накатанная, как пшавки, долетит!

В сумерках проезжаем развалины Старого Красноводска: несколько полуобрушенных стен и гнилые сваи причала. Когда-то сюда подходили пароходы. Сейчас море ушло на десятки километров к западу, и только крошечные мелкие ракушки, рассыпанные по солончаку, напоминают о нем.

И Челекен ведь когда-то был островом, даже очень недавно — лет восемнадцать назад. Я думаю о самом молодом городе Туркмении: в моем представлении он еще меньше похож на город, чем Кум-Даг...

Наконец, вылетев на бурю, мы видим разметанные во мраке огоньки Челекена — точно искры от брошенной головы. Истощенная, бросается из темных дворов собаки и долго бегут за машиной. Вана резко тормозит. Черная апрельская ночь окружает нас. Челекен лежит во тьме, залоченный город на границе пустыни и моря, и томит мое любопытство...

Утром я выхожу чуть свет. Воздух замечательно свежее, чем в Кум-Даге. Ветер доносит лекарственный запах моря. Но моря не видно: оно там, за домами, белыми стенами которых розовеет восход. Я вижу прямую улицу двухэтажных домов: асфальтовые тротуары, каменные ограды с узором железных прутьев. Сворачивая в широкий проулок, и вот оно, побережье — полоса синьки и голубоватый простор над ней.

Все приморские города обладают особым очарованием. Но этот утренний город поразил меня необыкновенно. Побережье золотилось тончайшим песком. Я увидел пляж, которому может позавидовать любой черноморский курорт: беседки под тентами, раздевалки, вышка для прыгунов и даже тапчаноладка. Этот курортный пейзаж, такой неожиданный после урюмого нежизноты пустыни, казался перенесением сюда по какой-то счастливой ошибке. Рядом с пляжем — высокий забор стадиона...

С вершины трибуны, повернувшись спиной к морю, смотрю на город: он выстроен как бы в два этажа. Внизу, на уровне побережья, протянулась длинная улица, на вершине белеют кварталы новых домов. Город еще в тени, но крыши домов медленно пламенеют. Люди гулем поднимаются по лестнице тротуара в гору. Им навстречу полетает автобус, вольно за собой несет облачко пыли. Хриплый бас репродуктора разговаривает по-туркменски...

Начинается городской день.

А два с половиной года назад здесь были одни барханы. Тысячегорбая пустыня вгрызалась в море, и отступающий Каспий подхалимски лизал голый песчаный берег.

6. ТАК НАДО СТРОИТЬ
С той же силой здесь было еще хуже, чем в Кум-Даге: возить машинами дорого, пыли опрессивнее. Все материалы стройки перетаскивались из Невит-Дага — перетаскивались в буквальном смысле, ибо грузовики немаленько застревают в песках и на помощь им приходил трактор. Ночами дороги поливались морской водой...

Челекен сразу заявил себя городом. Одновременно с жилыми домами строился стадион с трибунами на четыре тысячи мест. Прокладывались дороги, и в то же время на побережье воздвигался летний театр. Юный город назвали «Соцгородом».

Сейчас в Соцгороде, не имеющем еще и трех лет от роду, построены школа-десятилетка (лучшее школьное здание в области), благоустроенные ясли на сто мест, баня, больница, тубдиспансер, родильный дом. В новых кварталах Соцгорода — каменные дома с балконами и газовой квартирой. Не скрывая зависти, я разглядывал эти квартиры: две комнаты с кухней, газ, электричество, ванная с изразцовым полом. Все предусмотрено для удобной и прочной жизни, и люди поселяются здесь радостью. В районе Соцгорода нет ни одной «временки» или кибитки — все рабочие живут в новых домах!

Челекен строится по генеральному плану — в этом секрет его удивительно быстрого возмужания.

И вновь в райкоме партии я услышал сессия на трудности с музыкальной школой. Эта «идея-фикс» секретаря райкома заинтриговала меня, и я осторожно спросил, чем объясняется столь нетерпеливая жажда музыкальной культуры.

— Жалда, безусловно, есть, — ответили мне. — Рабочие хотят учить детей музыке. Но дело еще в том, что некоторые наши руководящие товарищи, приехавшие из Невит-Дага, не желают прочно обосновываться у нас, не переводят сюда свои семьи. В Невит-Даге жизнь, безусловно, благоустроенней, но они-то об этом прямо не говорят, а ссылаются на то, что их дети учатся в музыкальной школе.

Однако, если отдельные руководящие товарищи приживаются на новом месте с трудом, то громадное большинство челекенинцев успешно привыкнут в Соцгороду и полюбят его, детище своих рук. Некоторые рабочие уезжали из Челекена, когда истек срок договора, но почти все рано или поздно возвращались обратно.

Видно, есть что-то притягательное в этом городе, растущем со сказочной быстротой, и это — не вечная синева небес, и не подавляющее сочетание пустыни и моря, и даже не высокие заработки. Челекен притягивает людей обещанием будущего. Он весь как бы пропитан неуловимым и возмущающим запахом будущего, он дышит им, как Кум-Даг дышит нефтью, а Гассан-Кули — рыбой.

Истинно, не долго жил здесь, чтобы иметь смелость писать о людях. Фамилии и имена пусть останутся в записной книжке. Как бы точно ни опялет глаза, руки и плечи, как бы подробно ни рассказывать биографии, — люди не увидят себя, а читатель не увидит людей. Но бросилось в глаза вот что: шоферы и камешники, выскатки и нефтяники, туркмены, русские, армяне, азербайджанцы, казахи и курды чем-то похожи друг на друга — и не только по тонкой смуглой коже, прокатанной в одном каракумском городе. Они похожи своей преданностью Челекени.

Люди, строившие Соцгород, поверили в его размах. Они рванулись его молодой славе и огорчились его неудачами (а неудачи были довольно серьезные и дальнейший рост Челекена одно время ставился под сомнение), но ни на шаг не отступали: вера в будущее своего Соцгорода.

Вот так и надо строить новые города, чтобы они сразу полюбились невосемьюлетками.

О ГРАММОФОННОЙ ПЛАСТИНКЕ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Для миллионов советских людей, особенно жителей сельских районов, граммофонная пластинка стала важным средством удовлетворения культурных потребностей. Однако приобрести пластинки с записью лучших произведений музыкального искусства и художественного слова становится все труднее и труднее. Попробуйте найти, например, в Ленинграде наиболее популярные симфонические произведения Чайковского, Бетховена, выдающиеся произведения современной поэзии в исполнении поэтов или мастеров художественного слова, песни гражданской и Великой Отечественной войн. В любом магазине вам скажут, что их нет, хотя в то же время предлагают множество пластинок, залежавшихся на полках вследствие своих низких художественных достоинств.

Граммофонные пластинки могут быть широко использованы и в школах. Причем не только на уроках пения, но и на уроках иностранного языка, литературы, истории и т. д. Однако лишь немногие школы используют граммофонные записи в своей работе. И главным образом потому, что в продаже по безнадзорному расчету граммофонные пластинки и проигрыватели отсутствуют. Поступившие в магазин Главзабпробсы наборы пластинок и помощь изучающим иностранные языки погоды не делают.

Думается, что для лучшего распространения пластинок неплохо бы было ввести систему подписки и предварительных заказов, а музыкальные магазины снабдить подробными каталогами пластинок, выпущенных за последние годы, и бланками заказов на них.

По подписке должны распространяться больше и малые серии — начиная от двух-трех пластинок и кончая пятнадцатидвухдвухдвух. Можно предложить, например, такие серии: избранные произведения композиторов разных эпох, романы на слова Пушкина, песни на стихи советских поэтов и многие, многие другие. Надо выпустить и специальные серии граммофонных пластинок творчества таких мастеров искусства, как Шалляпин, Качалов, Польш Робсон и т. д.

Необходимо выпускать также серии пластинок для детей разных возрастов. Само собой разумеется, что проигрыватель и наборы граммофонных пластинок должны быть доступными каждой школе и детскому саду.

Перечисленные здесь минимум мер позволят намного упростить систему выпуска и распространения граммофонных пластинок.

Б. ТОЛЬ
кандидат педагогических наук
ЛЕНИНГРАД

Снова об игрушке

Да, снова об игрушке... С этих слов начиналось почти каждое выступление на вечер, устроенном на днях Московской секцией детских писателей в Центральном доме литераторов. На этот раз писатели объединились для совместного разговора с работниками Центрального университета, Научно-исследовательского института игрушки и павильона лучших образцов Всесоюзной торговой палаты.

Для человека, не знакомого с этой проблемой, сессия открытия вечера писателя Л. Касияла на отсутствие игрушки, казалась бы несколько странным. За спиной у председателя красовались огромные стены с десятками, сотнями замечательных игрушек — чего бы, кавказцы, печальники? Но это были только образцы, экзemplы. А о причине беспокойства собравшихся писателей и работников торговли, художников и конструкторов игрушки, педагогов, родителей и, наконец, самих детей — весьма красноречиво говорили игрушки, собранные на специальном стенде, стоявшем в другой комнате. Над ними висела выразительная надпись: «Нас не покупают!». Дети не хотят ими играть — бесформенными, тусклыми, а подчас и просто халтурно выполненными изделиями.

Выступившие на вечере С. Михалков и Ю. Арбат говорили о тех искусственных барьерах, которые стоят на пути хорошей игрушки: ведь стена с надписью «Нас не покупают!» состоит из игрушек, которыми в изобилии заполнены полки магазинов.

Случилось так, что на заседании одного из советов, отобранных образцы для производства, пригласили детей, — рассказал Ю. Арбат. — И они выбрали именно те игрушки, которые совет забраловали. Выбрали потому, что они были самые интересные.

Для того, чтобы игрушки были по-настоящему хорошими, их нужно делать из добротных материалов, на предприятиях, оснащенных для этого необходимым оборудованием. Между тем артели промкооперации и фабрики местной промышленности, занятые производством игрушки, не имеют необходимых станков, почти не получают специальных материалов и красок и зачастую вынуждены довольствоваться лоскутами самых неподходящих расцветок.

Работник Всесоюзной торговой палаты А. Толкачев рассказал об опыте игрушечных фабрик Чехословакии и Германской Демократической Республики, выпускающих отличные и недорогие игрушки.

Выступившие остро критиковали выставленные на вечере отливоны, выполненные, но чрезвычайно дорогие по цене экзemplы. Эти игрушки в продаже есть нет, но если начнется их массовый выпуск, то детям (и родителям) от этого легче не будет. Пора уже наладить выпуск хорошей, массовой и дешевой по цене детской игрушки — такой был смысл всех выступлений на вечере в Центральном доме литераторов.

На вечере велась стенограмма. Было бы весьма полезно, чтобы те, кто присутствует на этом вечере, но от кого зависит состояние и выпуск новых игрушек, познакомились с нею. И сделай все для реализации многих ценных конкретных предложений, высказанных на вечере.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ЗАЩИТНИКИ И ПРОТИВНИКИ МЕСТНЫХ СОРТОВ ВИНОГРАДА»

Так была озаглавлена корреспонденция А. Пантислева, опубликованная в № 32 «Литературной газеты». Автор указывал на недостаточное внимание к развитию виноградарства и виноделия в Абхазской АССР. Заместитель министра промышленности и продовольственных товаров СССР тов. М. Панасюк сообщил редакции, что дано указание министру промышленности и продовольственных товаров Грузинской ССР предпринять по виноградарскому совхозам Абхазии в новом пятилетнем плане закладки виноградников лучшими местными сортами.

В заключение своего письма тов. Панасюк сообщает, что перед Министерством торговли СССР неоднократно ставился вопрос о выпуске сухого вина «Изабелла», но это предложение не было поддержано.

На молочно-товарной ферме № 1 колхоза «Путь к коммунизму» Кабардинского района, Кабардинской области, выпускается сатирическая стенная газета, пользующаяся большой популярностью у колхозников. На снимке: животноводы у свежих помета газет.

Фото А. Безроднова

ИЗ ЗАЛА СУДА ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ВЫВОДЫ ИЗ НЕГО

На скамье подсудимых — 15-летний Борис Журавлев, ученик 660-й московской школы. Два месяца назад он вместе со своим приятелем Олегом Крымским явился на вечер самодеятельности в школу рабочей молодежи. Оба были пьяны и ходили по залу, сквернословя и задевая всех. Студент Виктор Кузьмин, приглашенный на этот вечер, сделал им замечание. В ответ послышались брань и угрозы. Не желая, чтобы его слушались, выслушивала все это, Кузьмин попросил ее подождать, а сам вышел с хулиганом на лестничную площадку. Здесь Журавлев вынул из кармана револьвер и, выстрелив в Кузьмина, убил его наповал.

Когда Бориса Журавлева вводят в зал суда, он не смотрит по сторонам, прячет глаза и старается побыстрее пройти на свое место. Но ответа его нетерпеливы и наглы: — Что я, алкоголик, что ли? Ну, выпил иногда!

Он привык, что бы он ни сделал, за него вступится, его оберегут, выручат, вытаскают сухим из воды. И он не понял еще, что всему этому пришел конец: настал час, когда он должен держать ответ за сделанное, и ни высокий пост его отца, ни слезы матери на этот раз не спасут, не выручат, не укроют.

А до сих пор это выручало. Давно уже был тревогу школа, милиция. Вызывали мать, отца, предупреждали: вашему сыну грозит опасность. Он не только грубит учителям, но только пьянствует, — среди его приятелей есть такие, что осуждены за грабеж и хулиганство.

Что же жоржальский отец? Отвечал, что очень знает. Что у него сын — как сын и пока еще не преступник. Явился Журавлев-отец в милицию в парадном мундире со всеми регалиями, и ответ его сводился к тому, что людей, занятых государственными делами, беспокоит пустяками незначительно.

Но работник детской комнаты 9-го отделения милиции Милованова не сложила руки. Она обратилась в Глазное управление милиции — как быть с мальчишкой, ведь если так пойдет дальше, он кончит скамьей подсудимых? Там посоветовали отправить Бориса в исправительную колонию.

Но отец отказался: это скромпрометировано бы его в залах начальства и в глазах подчиненных. «У Журавлева сын и в институте, и в армии, — не, это не вступит! И тогда он прислушался к другому совету: вырвать Бориса из среды приятелей-хулиганов. Но как понял Журавлев-отец этот разумный совет? Он отправил сына к своему яде в Калининскую область. Отправил одного — в надежде, что здесь можно откупиться деньгами, которые он посылает старику-яде на содержание сына.

Борис прожил в районе недолго — школа не справлялась с ним, он пил, играл в карты, не желал учиться. Директор школы написал отцу — отец не ответил. Тогда Бориса отправили обратно в Москву.

Я сам лично хотел туда съездить, но его как раз отослали сюда. Я лично считал, что школа потрошилась, могла бы подождать с присылкой, — говорит судья свидетель Александр Федорович Журавлев.

Он несколько растерян, но отвечает, авторитетно подержав: «Я лично».

Зал слушает его ответы, и каждый понимает: даже злейший враг не мог принести его снуд столько вреда, столкнут его в пропасть так бесповоротно, как сделал это «любящий» отец. У сына были деньги без счета, своя комната; он был сам себе хозяин, и, если хотел, — ночевал дома, а если не хотел, — то на даче. Его отсутствие никого не тревожило.

Накануне убийства он тоже не ночевал дома вместе со своим приятелем Олегом Крымским. На квартиру Журавлевых позвонили из школы: Бориса не было на занятиях. Но дома никто не обратил на это внимания. То ли еще бывало! Взволнованная звонила мать Олега матери Бориса. Та ответила:

— А что особенного? Пошатнутся и вернутся. Крымская попросила дать ей адрес дачи — она съедит, привезет мальчишек. Адреса ей не дали...

А ведь преступление можно было предотвратить, если бы отец и мать Журавлевы прислушались к просьбам Крымской, к тревожному звонку из школы. Но они были спокойны: пошатнется и вернется! И Борис вернулся — для того, чтобы, не заходя ни домой, ни в школу, явиться на вечер и убить человека.

Я лично много занимался воспитанием сына. Я лично его сам контролировал... Когда мне прислали из Калининской области с той формулировкой, что сын должен жить с отцом, я сделал для себя соответствующие выводы...

Человека постигло страшное несчастье. Но ни сочувствия, ни жалости нет в том внимании, с которым слушает зал Журавлева-отца. Нет и не может быть. В этом внимании другое: тревога, гнев, возмущение.

Среди свидетелей — 16-летний Юрий Суяйков. Это он дал Борису Журавлеву револьвер своего отца. Иван Захарович Суяйков последние пять лет служит в Ташкенте. В Москве он оставил школьника-сына и большую дочь (не теряя же московскую квартиру!). Жена Суяйкова часто отлучалась к мужу в Ташкент — дети оставались одни.

И со страшной последовательностью в ответах И. П. Суяйков повторяется то, что звучало в ответах отца Журавлева:

— Как вы воспитывали своего сына? — спрашивает ее прокурор тов. Терехов.

— Ему все было предоставлено, — отвечает Ирина Петровна.

Та же барская уверенность, что главное — ни в чем не отказывать, и при этом — совершенное равнодушие к тому, о чем сын думает, где бьет, с кем дружит.

Страна же платя за московскую квартиру! Эта цена — сын, который стал участником преступления, вложил револьвер в руку убийцы.

И о многом, о чем многом надо задуматься нашим людям, о высоких чувствах и прекрасных поступках — их множество в нашей действительности и о них надо писать, и писать больше. Но надо видеть и темные стороны жизни, надо учить молодежь распознавать, различать худое, грязное, распознать подлость и негодяя — и не только распознавать, но и страстно бороться с ним.

И о многом, о чем много

Это наше писательское дело

На станции Краснодар сошлись пассажиры двух встречных поездов. Приехали семьи с детьми, с большими узлами, сумками и корзинами. А уезжала молодежь — за спиной рюкзак, в руках маленькие чемоданчики.

Пока выгружали багаж, один из приехавших спросил молодого человека с рюкзаком за спиной: — Как, сынок, проехать в МТС?

Молодой парень объяснил, когда идет местный поезд, как лучше добраться до железнодорожной станции, где в здании расположен дом для приезжих.

Вот так рно и получились: группа старых рабочих по призыву партии и по зову своего сердца приехала из города работать в МТС, а молодые станинские ребята, окончив десятилетку, покидали родные места, чтобы в городе искать пути в жизнь...

Два года тому назад в колхозах зоны Медведовской МТС выдался такой богатый урожай кукурузы, что колхозники не могли справиться с уборкой. К ним на помощь пришли служащие различных учреждений станицы и школьники старших классов.

Может быть, это происходит потому, что работа на земле скучная, унылая? Нет, это не так. Прополка — это был тяжелый ручной труд тяглой, а теперь — это механический культиватор. Уборка — это теперь моторы: мотор трактора, комбайна, автомашин.

Что ни месяц, новые и новые машины идут на село. Машинным этим нужны опытные водители, образованные и технически грамотные. Вот где огромный простор для работы поватора, искателя, творца.

Бедняк... Мне вспомнился бедняк со станицы Филинов, что недалеко от Сталинграда, — парнишка из пятого класса, которого перехватили по дороге к шагающему экскаватору. Так романтизировали писатели эти шагающие машины.

Но ведь для шагающего экскаватора нужны были десятки работников. Для огромного фронта работ, которые разворачиваются сейчас в селе, потребуются сотни тысяч умелых тружеников.

И вот директор Медведовской средней школы Бунин утверждает, что наша литература для детей не помогает юным читателям уяснить, что на поля пришли наука, точность, темп — все то, из чего складывается интересная работа, возможность применить знания и способности.

В сожалении, в детской литературе пет Овечьих, которые в страстном публицистическом очерке рассказали бы читателю, что происходит на селе. А ведь детская литература — не какал-то особенная литература, а часть большой нашей литературы.

В 1953 году появилась книга Л. Воронковой «Беспокойный человек», в которой писательница поставила одну из важнейших тем развития сельского хозяйства. Еще раньше вышла повесть А. Мусатовы «Дом на горе», где писатель привлекал внимание школьников к сельскому труду.

Дети младшего школьного возраста получают книги, которые только ограничивают их представления о селе. Это книги о домашних животных, о цветах и растениях, но отнюдь не о самом сельском хозяйстве. Писатели должны ввести молодежь в волшебный мир современного сельскохозяйственного производства.

В нашей литературе, которая рассказывает о селе, не хватает не столько интересных фактов, сколько интересной формы. Дети не хотят читать о селе, если это написано скучно, сухо, безобразно.

Вот почему так важно, чтобы писатели, пишущие для детей, не только рассказывали о селе, но и показывали его в интересной, увлекательной форме. Дети должны видеть в селе не только труд, но и радость, красоту, возможность применить свои знания и способности.

Вот почему так важно, чтобы писатели, пишущие для детей, не только рассказывали о селе, но и показывали его в интересной, увлекательной форме. Дети должны видеть в селе не только труд, но и радость, красоту, возможность применить свои знания и способности.

Да, есть. Сумел же С. Антонов, который прежде не заявлял о себе как о детском писателе, написать очень нужную, романтически приподнятую и полюбившуюся детям повесть «Зеленый дол». В этой книге и правда жизни на селе, и наш сегодняшний день, и познавательный материал поданы так, как требует именно детская книга: все события увязаны в крепкий сюжет, овеяны романтикой.

Было бы желание, и очевидно, многие «взрослые» писатели могли бы порадовать детей правдивыми, увлекательными, зовущими книгами об одной из самых увлекательных областей жизни.

Мне кажется, не было бы недостатка в детских книгах о современном механизированном труде на полях, если бы детские писатели попали в любую из наших МТС, куда пришли тысячи патриотов — люди с горящими сердцами, со страстным стремлением пережить тяжелый крестьянский труд на плечи машин, создать достаток продуктов.

Прошлым летом в станице Медведовской работали на полях и затем остались работать в сельском хозяйстве двое больше школьников-выпускников, чем в позапрошлом году. Сейчас остаются в МТС еще больше выпускников. «Фуникулер» на вокзале уже не будет.

Вот что сказал он своим питомцам: — На войне герою становится тот, кто очень любит Родину, тот, кто беззаветно защищает близкое ему, родное — свою страну, свой народ. Патриот — это человек, который гордится своей Родиной, который предан своему народу.

Мне кажется, что в труде героем становится тот, кто гордится своей профессией, для кого его специальность — самая любимая, родная, выхоленная в мечтах, выстраданная в ученье и в труде.

Как же может случиться — и порой случается, — что юноша, или девушка, решает, что его профессия — это высшее образование, а какое — это не так-то и важно. И им все равно, куда идти — в институт холодильной промышленности или в субтропический институт! Человек начинает сознательную жизнь с поразительного безразличия к своему будущему. Мне кажется, это похоже на поездку без любви, на брак по расчету.

Тепло встречают работники Дома книги на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке своих посетителей — экскурсантов, прибывающих из различных республик и областей нашей Родины. На снимке: группа экскурсантов из Южно-Кавказской области с помощью старшего продавца В. Платоновой (в центре) подбирает литературу.

Нет, я не верю, что хотя бы один из вас пойдет по такому пути! Бойтесь этого пути, друзья!

Я знаю — у вас смелые сердца. Сердце подсказывает вам правильный путь — путь счастливого, любимого труда. И вы пойдете этим путем, закатив рукава, дав волю потрутся рукам, пойдете к совершенству. И тогда каждый из вас станет Человеком с большой буквы.

В Медведовке не забыли о выпускниках школы и после торжественного вручения им аттестата зрелости. Оношей и девушкой пригласили на усадьбу МТС, подробно познакомив с людьми, мастерами, условиями труда, заработками, перспективами. И вот результат — многие выпускники поехали работать трактористами, слесарями, токарями, солдовыми, шоферами, штурвальными на комбайне, иначе говоря, выбрали одну из многих специальностей в сельском хозяйстве.

Разве то, что произошло в одной из кубанских станиц, где учителя до конца выполнили свой патриотический долг, не может служить темой для рассказа или повести? Разве детские писатели не должны волновать то обстоятельство, что школьник, спросив в библиотеке увлекательную детскую книгу о работе МТС, о современном сельском хозяйстве, получит ответ: «Таких книг у нас нет».

«Пленум Центрального Комитета КПСС поставил задачу обеспечить ежегодное получение не менее 10 миллиардов пудов зерна. Это очень серьезная и ответственная задача. Она должна постоянно волновать каждого из нас, звать всех советских людей вперед... Кто забывает об этой задаче, отходит от нее, ограничивается одними разговорами, тот тонит в болотные жизненно важные дела. Эти слова Н. С. Хрущева могут быть, увы, приняты на свой счет и детскими писателями, которые в разговорах о жизненно важной теме забывают, что решают не слова, а дела — книги, увлекательные и романтические, о сельскохозяйственном труде».

Интересен В. Цыпаков в картине «После трудового дня». Но вызывает сомнение логика света. Его купающиеся девушки кажутся освещенными востром или жаром, а не заходящим солнцем. Лучи заходящего солнца по-иному освещают весь пейзаж. И вода не написана на первом плане.

С творческим волнением...

Не скрою, повесть Ф. Певнева «Урожай» не сразу овладевает вниманием. За подробными описаниями производственных процессов, происходящих в МТС и колхозах, за многочисленными агрономическими терминами не сразу различаешь героев. Начинаешь опасаться, что это не живые люди, а просто «положительные и отрицательные типы», действующие по заранее намеченному «строгому» писательскому плану.

Но, вычитавшись в повесть, ощущаешь, что жизнь героев и события начинают интересовать тебя. Видимо, автор осмелел, «расписался». И сразу начинаешь чувствовать, что писатель сам встречался с этими людьми, сам негодовал или радовался вместе с ними. Все его, чувствуешь, волнует: и то, что в последнее время принижается роль землевладельцев, этих «будильников» колхозной массы, и то, как нехорошо, что наши сельскохозяйственные и техникумы размещены в городах и студенты оказываются порой не подготовленными к жизни на селе.

Думается, что жизненная правдивость и авторское волнение и есть главное в книге. Как бы ни был «закручен сюжет», как бы ни была высока литературная техника иного произведения, но если автор не «переболит» тем, о чем пишет, не вспыхнет в нем «творческая искра», значит, не «зажжется» и читатель. А повесть «Урожай» — «зажигается».

Сюжет повести не нов. Отстающий колхоз, пьяница председатель, директор МТС, заботящийся не об урожае, а лишь о количестве гектаров «мягкой пахоты». Секретарь парторганизации Ольга Погожева и агроном Дмитрий Лихачев, что работал в районном аппарате, а потом перешел в колхоз, вместе с передовыми колхозниками добиваются поворота в жизни артели.

В повести есть и вторая сюжетная линия: отношения Ольги Погожевой и ее мужа Алексея, бывшего тракториста, после учебы «спробирившегося» в начальство и оставшегося в областном городе, где он женился на одной из «городских модниц».

Больше всего автору удался образ Ольги, современной советской женщины. У Ольги незлая судьба. Как она любила Алексея! И вот он бросил... У Погожевой дочь Валя — приемная. Ее мать — жена Дмитрия Лихачева — погибла в войну. Ольга помогает и Лихачеву. Она как поэтесса описала труд тракториста, будто машина шла, плавно покачиваясь, будто качалась волна, первым ручейком, острогом снега, ровным в ответвах зари.

В книжке еще включены рассказы «Лето в Раздольном» и «Возвращение», но в короткой газетной рецензии нет возможности остановиться на всех этих сибиряках, тем более, что повесть «Урожай» все же наиболее характерна для автора и своими достоинствами и недостатками. В книжке есть повести, бледные латя, чувствуется робость пера, а кое-где сухая, газетная (в дурном смысле этого слова) скороговорка. Но здесь же, рядом, встречается и много хорошего, верно подмеченного. Вот как хорошо, например, автор видит пейзаж: «Полевая дорога извивалась среди ржаных хлебов, будто ей было жарко и она искала прохлады».

К сожалению, образ Лихачева мало удался автору. Герой этот умный, правильный, но не хватало у автора жизненных черт, убедительных деталей, чтоб образ был полнокровным, живым. Неясным, расплывчатым получился у автора образ секретаря райкома партии Артемьева. Секретарь стремится к чему-то новому, передовому, но дальше «модернизации» кабинета дело у него не идет.

Председатель колхоза Полухин — пьяница и «базарный миллионер». Этот образ в нашей литературе о деревне становится уже, пожалуй, штампом. Автор проводит Полухина через все перипетии, через которые обычно проходит отрицательные персонажи. В конце повести, выполнив свою служебную роль, Полухин заявляет на собрании, где выдвигает кандидатуру председателя: «Выберите меня... Мои годы изношены».

Сложнее образ директора МТС Якунина. Да, он успокоился на достигнутых успехах, зазнался. Казалось бы, это еще один образ самовлюбленного, остановившегося в своем росте руководителя. Но вот ты слышишь, как жена Якунина говорит про него: он «всем сердцем прирос к трактору», видишь, как ревниво Якунин отглядывает каждую машину, и начинаешь верить, что этот увлеченный своим делом человек, двадцать лет отдавший трактору, вернется с чистым сердцем в семью механизаторов.

Удалось Певневу образы некоторых «рядовых» героев: бригадир тракторной бригады Чувирина и особенно молодого тракториста Ивана Макаева. Читатель вместе с Макаевым негодует на Якунина, сляпшего тракториста с работы за то, что тот без директорского разрешения приспособил к трактору механизм, ускоряющий проночку снарядов. Нельзя равнодушно относиться к горячему порыву парня, мечтающего освободить колхозник от тяжелого изнурительного труда, нельзя равнодушно читать о том, как Иван Макаев ночью, крадучись, приходит взглянуть на «свой» трактор, старательно охраняет его и как разбуженный сторож ловит Ивана.

В повести есть и другие, бледные латя, чувствуется робость пера, а кое-где сухая, газетная (в дурном смысле этого слова) скороговорка. Но здесь же, рядом, встречается и много хорошего, верно подмеченного. Вот как хорошо, например, автор видит пейзаж: «Полевая дорога извивалась среди ржаных хлебов, будто ей было жарко и она искала прохлады».

А как поэтично описан труд тракториста: «Машина шла, плавно покачиваясь, будто качалась волна, первым ручейком, острогом снега, ровным в ответвах зари. Можно быть несчастливым, пока не сядешь за руль трактора. Но когда перед тобой запыл мотор, обдав тебя своим теплым дышанием, пошла махать шпорами колеса, — всем лопаша конец. Они будто остались на земле, а ты лывешь среди просторов, мотор рожочет, навстречу тебе движутся облака, деревья, плетни и заборы. Кажется, что весь мир пришел в движение, и ты управяешь им».

Книга курского литератора Ф. Певнева не оставляет читателя равнодушным. Хочется автору создать новые произведения, показать таких героев, чтобы к ним еще больше «прирастало» читательское сердце.

А. МИШКИ, счетовод колхоза имени Ленина Станица Белореченская

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Искусство живописи и современность

А. ДОВЖЕНКО

Приятно и радостно, бродя по выставке и отдыхая душой среди ярких полотен и слыша восторженный хор очарованной молодежи на празднике искусства и тоже восторгаясь виденным, написать об этом так, чтобы всем было отрадно, то есть не только самим творцам вдохновенных шедевров и их зрителям, но даже тем доверчивым и добрым людям, что и выставок не посещают за дальностью пути или по другим причинам, но по доброте своей сорадуются успехам творчества всегда и благодарны всякому, кто призвал их к этому прекрасному расположению духа.

Но когда очарование и радость застилает пелена сомнения, когда подвиги кажутся давно и много раз уже виданными, когда вместо наслаждения громадный труд дорого вашему сердцу коллектива художников вопреки вашей воле порождает в вас критическое движение ума, и радость осеняет вас отнюдь не в каждом зале, и по-прежнему, один другого острее, начинают волновать вас и не давать покоя, — трудно тогда братья за перо. Отвернувшись от вас все, кому вы с болью в сердце отказали в безоговорочном признании, называют вас черством, гордецом, порочные «изямы» пошлют вам венок, глубоко убежденные в своей правоте: ведь вы не пожалели их трудов, бессонных ночей, раздумий, их надежд...

Всей оживленной выставкой, развернутой в залах Третьяковской картинной галереи, привлекала к себе живейшее внимание общественности. Первое, что можно сразу же сказать, — она качественно выше, значительно выше выставок предыдущих лет. В ней почти полностью отсутствуют многометровые битвы, штурмы, засады и встречи с множеством повторяющихся портретов, пышных, светящихся лостр, красных дорожек, позолоченных лож, парадных форм, то есть всего того испанского готика художника подчас далеко не заслуженный успех, когда содержание самой уже темы вызвало к признанию и когда дорогая всем тема заставляла художника не совершенству исполнения; когда теме и внешнему физическому размеру картины нередко приносились в жертву культурные высоты, освещенные незабываемым светом, слышится музыка. Все в этой картине, как и во всей индийской серии, распадается к размышлению, к множеству ассоциаций.

Трудно причислить картины С. Чуйкова к какому-либо определенному жанру. В этом — их новизна. Здесь наличествует творческий почерк времени, приближение к волнующей тайне художнического постижения мира.

Талантлив А. Пластов. С большим упорством стремится он к новому. Но что-то старое держит его в плену даже в новом, и недаром у его полотен много спорных зрителей. Погрешности композиции также вносят некоторый разлад в восприятие его произведений. При взгляде на «Утро» кажется, что спящая в траве девочка шлет. При ближайшем, однако, рассмотрении оказывается, что правая рука принадлежит не ей, а спящей позе бабушке. В картине «Летом» велик размер. Она, несомненно, выиграла бы при меньшем габарите. Тогда не вызвали бы критического движения мысли ни излишек скучного неба, ни наивность зеленой стены горы.

«Практик» — одна из лучших картин художника. Впечатляют движение высоких облаков, проливающийся где-то далеко на горизонте дождь, насыщенные цветом дали, напор, динамика беговых коней. Но ошибка в композиции мешает зрителю до конца насладиться этой жанровой картиной. В оптическом ее центре на земле остались незаполненным разрыв между конями, а в небе — разрыв меж облаками и тоже поперек. Вследствие этой пустоты центра картина воспринимается по частям — правая отдельно, левая отдельно.

Кстати, о недостатке богатом заполнении холста и об излишестве размеров. Есть картины, явно превышающие свои габариты, картины, в которых хочется сократить ненужные метры света, неба, лампы и т. д. Длинную картину Г. Нисского «На полях» можно разрезать пополам и получить две картины в общем одинаковой ценности.

В хорошей картине молодого Б. Ларенко «Расставание» прекрасна пара — молодой человек разлучается с подругой на перроне вокзала. Много свежести и тонкого чувства. Но все хорошее, что создано в этой картине художником, почти полностью вмещается в ее левой половине. Правая половина мелькает, ее разрушает поэзия и делает картину композиционно нестройной.

Интересен В. Цыпаков в картине «После трудового дня». Но вызывает сомнение логика света. Его купающиеся девушки кажутся освещенными востром или жаром, а не заходящим солнцем. Лучи заходящего солнца по-иному освещают весь пейзаж. И вода не написана на первом плане.

В картине А. Бубнова «Тарас Бульба», словно в зеркале, видно, как мстит за себя пренебрежение наших, даже хороших художников, смелыми, вдохновенными преувеличениями и яркой типизацией даже там, где они, эти преувеличения, давно уже превратились в классические, хрестоматийные истины.

Картина «Тарас Бульба» велика, но почему-то в ней тесно. Нет ни стеного простора, гениальною посетого Гоголем, ни Бульбы нет на «Порте», ни Остапа, ни Андрия, ни поэзия грозного мужественного века. Безбрежные степи, написанные Гоголем именуемо широчайшей кистью, уменьшаются у Бубнова до отвесно выпрямленных веточек. Позади бугор закрываются просторы. Слева крошечная полоска Днепра робко znamená да. Но, может быть, все эти дали, эти безбрежные степи, среди которых где-то Днепр без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру, может, все это Бубнов перенесит в орнамент взор Тараса, раздвинувшего, черт знает, на каком расстоянии в траве мелькающую голову хищного тарануля? Нет. Подобно неопытному актеру на киноэкране, Бульба смотрит в объектив киноаппарата и этим окончательно убивает пространство. Может быть, его роль, прозванный, очевидно, недаром «Портом», может быть, он, непослушный художник, исправит погрешность? Нет. Коль тоже смотрит в объектив. Кстати, он и не «Порт» пона, он копь обонный и к тому же не стеной и не босвой. И сам Бульба стар, и нет в нем силы. Усы и «оселедец» не по летам пышны — явный перебор гримера. Нередкий оперный артист — этот Тарас.

А кто увидит в бубновском сером прозаическом Остапе с двумя бытовыми клочками борды, кто признает в нем рыцаря, которого изберут товарищи себе в полководцы среди грозной секи и который вскоре умрет титанической смертью? Или романтичного Андрия — это бескрылом тонкошерстем растерянным всаднике, лишенном породы, — кто заметит?

В жанровых картинах, представленных на выставке, тема чаще всего находит скорее описательное, чем живописное воплощение, и картины больше похожи на увеличенные иллюстрации или кадры бытовых кинофильмов, чем на живописные полотна. Не ищите в них новых композиционных или цветовых решений, обязательных для каждого художника. Эти полотна существуют, странным образом, как бы вне своей живописной специфики.

Люди, запечатленные во многих картинах бытового жанра, предстают перед нами скорее как участники массовок и эпизодов великой кинокартины нашей жизни, чем ее основные герои. И происходит это не потому, что персонажи картин не исторические деятели, несущие на себе, так сказать, бремя мира, а обыкновенные люди. Происходит это потому, что эти обыкновенные люди изображены вне больших социальных страстей. Им не хватает мысленной и глубокого внутреннего самосознания. Эти зачатки мало кто ставит перед собой, но всякий, кто их не ставит, проигрывает в самом главном: восприятие картины благодаря отсутствию глубоких и тонких «подтекстов» и многоплановости исчерпывается чрезвычайно быстро, как и все, лежащее на поверхности.

Содержание жанровой картины должно быть емким и глубоким, как смысл романа или эпопеи, а бытовая картина, анекдот, фельетон в живописи всегда, как мне кажется, имеют до ничтожности конкретное и до банальности ограниченное значение. Картины М. Стрельникова «Чужие» и А. Китаева «Родное лето на периферии!!!» при всей злободневности их сюжетов — доказательство неглубокого, поверхностного раскрытия темы живописными средствами из-за слабости в трактовке натуры и в рисунке и в композиции. Это не глубокое обличение, а отписки масляными красками на бытовом тему.

Создание жанровых картин требует от художника поиска таких сюжетов, где все средства живописи служат выражению драмы, трагедии или комедии, которую мы видим в самой кубинизационный момент и можем представить себе завязку и развязку действия, и где все эти средства живописи обязаны наличествовать в совершенном и оригинальном виде. С. Григорьев в картине «Вернулся» перадал нам драму недостаточного отъезда, вернувшегося в семью, но нельзя же заметить многих несовершенств в композиции картины, слабые написанные вещи, бедности цвета.

Не позавдаляя против обязательности тематики там, где художник поднимается в ней до высших социальных обобщений, я все же думаю, что это не главная тема живописи. В искусстве живописи, по-моему, надо больше стремиться к утверждению красоты советского человека. Надо больше писать и возмещать его труд. Нет ничего в мире прекраснее человека в труде. В нем надо искать новые сюжеты и новую пластику и эстетику. Строители коммунизма в действии, в мыслении, в самосознании — здесь будет решаться главная тематическая задача живописи во всем разнообразии ее форм: герои и мыслители, кормящие матери и дети, и нежные (пнижения человеческого сердца, и чарующая нагота юных дочерей народа, и красота природы, у которой всегда надо учиться, не списывая, но творя и не боясь смелых преувеличений в нужном месте и в достаточной мере.

Так как искусство призвано выражать чувства эпохи, каждому из них нужна своя поэзия. Но подобно тому, как стихи являются поэзией в той лишь мере, в какой они по содержанию и форме выражают чувства своего времени, картина (Окончание на 4-й стр.)

НАСТРОЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Советское предложение установить прямые дипломатические и торговые, а также культурные отношения между Советским Союзом и Западной Германией встретило горячий отклик в широких кругах западногерманской общественности. Люди различных взглядов и политических убеждений, все те, кто заинтересован в ослаблении международной напряженности, приветствуют эту инициативу Советского правительства. В последние дни на страницах многих газет, выходящих в разных городах Западной Германии, появились высказывания в пользу безоговорочного установления прямого контакта между Советским правительством и правительством Германской федеральной республики.

Мы помещаем выдержки из статей, появившихся в газетах «Гамбургер Анцейгер», «Фольксвагелн-Цейтунг», «Ди Вельт», «Зюддее Цейтунг», «Франкфуртер алгемайне Цейтунг» и «Рейнские посты».

«Восстановление нормальных правовых отношений между Германией и Советским Союзом является первоочередным историческим и политическим фактом... Мы со своей стороны должны были бы приветствовать советскую декларацию как шаг к разрядке напряженности в Европе».

«Не следует забывать, что у нас в Германии в течение многих лет безрезультатными, но как только Москва и Вена поведут переговоры непосредственно, так чуть ли не за одну ночь проблема была решена».

«Отражающая и Германия (речь идет о Западной Германии). — Ре-д. от Востока противостоит. Обращаясь к Западу, мы должны со всей определенностью сказать, что предложение России нормализации отношений является для нас, немцев, решающей предпосылкой ликвидации раскола Германии... В эти дни надо напомнить: «Куй железо, пока горячо»... Было бы бесконечно много достигнуто, если бы уже в течение лета этого года удалось добиться согласия по основным вопросам».

«Германо-советская торговля всегда была одной из важнейших осязей германо-советских отношений. То, чего другие страны добивались лишь в отдельных частях земного шара, достигалось само собой товарообменом между Германией и Россией... Восточная торговля (между этими странами). — Ре-д. достигла временами таких масштабов, что Россия была одним из наших лучших покупателей и поставщиков. В особенности, когда после 1929 года разразился острейший экономический кризис, потративший всю нашу экономическую систему, именно русские заказы в известной степени поддерживали германскую индустрию».

«Торговля с Россией становилась во всех кругах промышленников все более популярной. Об этом не позабыли и сегодня и только ждуть того, чтобы снова, как и в прошлом, развернуть эту торговлю. К тому же на горизонте — возможность торговли с Китаем и делегация из среды промышленников как в Россию, так и в Китай, стоят наготове, чтобы в любой момент отправиться в Москву и в Пекин».

«Не подлежит никакому сомнению, что предложение Кремля должно быть принято так же безоговорочно и не принужденно, как оно было сделано... Иначе, если поездка в Москву будет отложена на время после встречи четырех держав, Германско-советские переговоры

«То, что взаимные отношения должны быть нормализованы, если мир намерен выбраться из тупика холодной войны, не подлежит никакому сомнению».

Что происходит в Алжире

«Алжир» — события в Алжире не сходят со страниц французских газет. В Алжире снова льется кровь... Девять миллионов алжирцев (больше половины из них, по признанию французской газеты «Монд», задыхаются в тисках голода) борются за свободу, за хлеб для своих детей. И самые жестокие репрессии обрушиваются на мужественных патриотов, на чьей стороне вся прогрессивная Франция.

Французские правящие круги пытаются дезориентировать общественное мнение. Недавно французский премьер Шарль Фур заявил, что в Алжире нет ни политических проблем, ни экономического кризиса, ни каких-либо социальных вопросов, требующих урегулирования. Между тем широко известны страшные цифры, знаменующие от колониального господства Франции в Алжире: европейские колонисты, составляющие одну десятую населения Алжира, владеют половиной всех земель страны, полтора миллиона алжирцев вообще не имеют работы, 81 процент детей школьного возраста не посещают школы.

Французские власти сильно обеспокоены событиями в Алжире. Маршал Жюан срочно направился в Северную Африку. Выступая перед бывшими военнопленными французского экспедиционного корпуса, он призвал к беспощадной расправе с действующими в Алжире «террористами». Как всегда, когда надо оправдать расправу с борцами за свободу, французские власти пытаются представить Алжир, как рай земной, покой которого нарушают лишь отдельные «смутьяны».

Но факты опровергают эти измышления. Опровергает их прежде всего тот огромный арсенал карательных средств, который пущен в ход французскими властями. Ежедневно в Алжир прибывают новые воинские части, тысячи вооруженных до зубов солдат, полицейских, жандармов. Демократическая газета «Альжир републикэн» так описывает военные приготовления французских колонизаторов против алжирского народа: «Военные акции расширяются. Прибывают новые эскадроны мобильной гвардии, полицейские подразделения. Здесь скопилось уже более 100 тысяч французских солдат и офицеров, но генерал-губернатор говорит, что он не уверен, что этого достаточно. У берегов патрулирует военно-морской флот. В ход пускается авиация и артиллерия».

Получается, что 100-тысячная армия, вооруженная танками, самолетами и артиллерией, послана в Алжир для борьбы с горсткой смутьянов-террористов. Можно ли поверить этому? Тысячи вооруженных алжирских патриотов действуют в горах Ореса и других районах страны. Они ведут партизанскую борьбу против французских войск, получая поддержку от местных жителей. Солдаты

могли бы, безусловно, сослужить хорошую службу последующей конференции Большой четвертки».

«Нам нужен мир. Мы можем его добиться на длительный период, только если мы установим с могущественным русским государством добрососедские отношения».

«То, что взаимные отношения должны быть нормализованы, если мир намерен выбраться из тупика холодной войны, не подлежит никакому сомнению».

Террор в Алжире. Французские солдаты обыскивают местного жителя. Снимок из немецкой газеты «Нейес Дейчланд»

«прочесывают» сельские районы Алжира, сжигают дачки хибарки крестьян, сгоняют их с родных мест.

Французские военные суда и самолеты доставляют в Алжир не только жандармов, но порой и министров. Алжир посетил недавно французский министр внутренних дел Буржес-Монри. Выступая с речью в Константине, он открыто провозгласил политику кровавого террора по отношению к восставшим алжирским патриотам. «Не будет ни пощады, ни жалости к тем, кто встал против законов республики», — сказал французский министр. — Мы будем преследовать их, чтобы уничтожить до последнего человека».

Страх французских колонизаторов перед ростом национально-освободительного движения разделяют американские правящие круги. Они боятся, что могут потерять военные базы в Северной Африке. Под видом помощи своим французским союзникам американцы стараются окончательно захватить в свои руки североафриканские владения Франции.

Во время работы против всех и всяких колонизаторов. Более дальновидные представители французских политических кругов, как видно, понимают это. Недавно бывший французский министр — член Совета республики Эдмон Мишле выступил в газете «Монд» со статьей, посвященной североафриканскому вопросу. Простергая против проведения в Алжире «политики силы», Мишле многозначительно напоминает об индо-китайском прецеденте. «К сожалению, мы видим, к чему ведут в наше время решения, основанные на применении силы», — с горечью заключает бывший министр.

В самом деле, не в первый раз колонизаторы пытаются залить кровью разгорающийся пожар освободительной борьбы угнетенных народов. Десять лет тому назад в алжирском департаменте Константина были зверски уничтожены тысячи алжирцев, выступивших против господства европейских земельных магнатов. И в последующие годы алжирцев грабили, притесняли, хватали на улицах во время одной облавы и бросали в тюрьмы, истязали в полицейских участках, убивали. Но из года в год в стране не утихали волнения и ширилась борьба народа против чужеземного ига. Угнетенные народы усиляют борьбу за свою свободу.

«Всякое государство, которое не имеет своей цели, не имеет своей души, не имеет своей совести, не имеет своей чести, не имеет своей славы, не имеет своей жизни».

«Хочется сказать художникам: не ищите обязательно далеко, не списывайте точных копий с природы, учась у нее. Прибавьте к моему видению еще свое, более совершенное, более высокое и тонкое. Ведь вы художники. Ведь мы избрали вас в художники для того, чтобы вы радовали и обогащали наше видение мира, а не для того, чтобы вы своей палитрой подтверждали то, в чем так легко и точно нас убеждают фотографии и кинооператоры. Не стремитесь к созданию так, где его быть не должно, где оно не имеет смысла».

«Всему в мире есть свое время. Мы любуемся изяществом, разнообразием и красотой наших национальных народных костюмов, но никому из нас в голову уже не придет желание одевать сегодня в эти костюмы весь свой народ. Это его прошлое. Так же, как мало кому приходит в голову танцевать «попак» или «американскую» в смокинге, или «беркуз» в современных коротких плащах, или снимать немые кинофильмы, когда есть звук».

«Прекрасно было великое племя наших предков. По сей день мы восхищаемся их дивными произведениями и преклоняемся перед мужеством и красотой их подвига художников — общинников и проповедников. Восхищаемся мы нашим гениальным иконописцем Рублемым и непревзойденными подлинниками эпохи Возрождения. И долго еще в грядущих временах будут свер-

Заметки писателя

Крамольные слова

Штатный агент Вашингтонского отделения ФБР Майкл Джонсон (допустим, что его зовут именно так) напал на след красного агитатора. Счастие улыбнулось Майклу Джонсону, и он мечтал: получишь огромную премию во всемогущих долларах, купишь ферму в какой-нибудь тихой штате, женишься на зеленоглазой сногшибательной девице с зелеными глазами и жинку, наконец, настоящую жинку».

И Майкл Джонсон (допустим, что его зовут именно так) вскочил на мотоцикл и помчался за своей жертвой, важно усаживаясь в лакированную машину. — Ну, красивый, красивый! А в том, что ты красивый, я слышал твои разговоры. Лакированная машина остановилась, и из нее вышел пожилой мужчина, который твердо, решительным шагом направился к подъезду дома.

«Всё!» — сказал сам себе Майкл Джонсон, выхватывая из кармана пистолет, направил его на свою жертву. — Руки вверх! — кричал он. — Вы арестованы! Нам все известно. Ступайте за мной. И он посмотрел на арестованного. Перед ним стоял министр обороны Соединенных Штатов Америки Чарльз Уилсон. — Вы что? С ума спятили! — кричал министр. — С кем вы разговариваете! На кого вы подняли руку, болван!

А Майкл Джонсон (допустим, что его зовут именно так, потому что его ведь могут звать и иначе) стоял, хлопая глазами, ни жив ни мертв, и проклиная брошюру, толкнувшую его на тот решительный шаг, который, вероятно, навсегда похоронил его политическую мечту. Это все фантазия автора, но автор полагает, что подобное происшествие сегодня вполне реально.

Дело в том, что военные органы США выпустили недавно в свет подготовленную к печати Первой армией брошюру под названием «Как опознавать коммуниста». В этой брошюре говорится о том, что на принадлежность того или иного человека к коммунистам иногда указывает применение им некоторых выражений. В брошюре говорится, что в слове коммунист имеют широкое хождение такие слова, как «революционер», «материалист», «коллективизм», «марксизм», «нарушение гражданских прав», «мир» и т. д.

Тем самым командование Первой армии во всем упустило ленту в вандализма травили прогрессивных агитаторов. Американская реакция не жалеет сил, чтобы сделать невозможной практическую борьбу за мир и гражданские права в США. Солдатом из Первой армии этого мало. Они жаждут запретить не только роковые для их плано дела, но и истребить лгунающие их слова. Пусть американцы и думать забудут о мире и гражданских правах и, уподобившись молчаливым роботам, выполняющим приказания генералов Первой, Второй и других американских армий — вот идеал, к которому стремятся авторы брошюры.

«...искореня «коммунистическую опасность» авторы заперлись до умопомрачения и выставили себя на всеобщее осмеяние. Эта, с позволения сказать, инструкция даже не советует особенно вникать в смысл речей подозреваемого. Услышите, как у кого-нибудь с языка сорвалось запретное слово, — не раздумывайте, хватайте его, вяжите, телефонуйте ФБР!» — учит сия брошюра.

Но какой дорожкой охвачен перед коммунизмом редактор издания, если он выпустил до такой степени непродуманную брошюру. Ведь словами «мир» и «коллективизм» (включая в них извращенный смысл) охотились оперировать и мистер Даллес, и Маккарти, и... (не будем перечислять, нам просто, но, как известно, они отнюдь не коммунисты). Генерал Гронтер тоже говорит о мире, а сам готовит атомную войну. И такой не один он. И «выявление» по вышедшей брошюре, можно свободно выявить любого из них, вплоть до... (не будем называть фамилии, нам простят).

Насколько известно, пока что творцам брошюры похвастаться нечем. Единственно, кого удалось бесспорно выявить с помощью этой брошюры, — это группу глухов, авторов инструкции «Как опознавать коммунистов», изданной с благословеньем... (не будем опознавать и выявлять, нам простят).

«Всякое государство, которое не имеет своей цели, не имеет своей души, не имеет своей совести, не имеет своей чести, не имеет своей славы, не имеет своей жизни».

«Хочется сказать художникам: не ищите обязательно далеко, не списывайте точных копий с природы, учась у нее. Прибавьте к моему видению еще свое, более совершенное, более высокое и тонкое. Ведь вы художники. Ведь мы избрали вас в художники для того, чтобы вы радовали и обогащали наше видение мира, а не для того, чтобы вы своей палитрой подтверждали то, в чем так легко и точно нас убеждают фотографии и кинооператоры. Не стремитесь к созданию так, где его быть не должно, где оно не имеет смысла».

«Всему в мире есть свое время. Мы любуемся изяществом, разнообразием и красотой наших национальных народных костюмов, но никому из нас в голову уже не придет желание одевать сегодня в эти костюмы весь свой народ. Это его прошлое. Так же, как мало кому приходит в голову танцевать «попак» или «американскую» в смокинге, или «беркуз» в современных коротких плащах, или снимать немые кинофильмы, когда есть звук».

«Прекрасно было великое племя наших предков. По сей день мы восхищаемся их дивными произведениями и преклоняемся перед мужеством и красотой их подвига художников — общинников и проповедников. Восхищаемся мы нашим гениальным иконописцем Рублемым и непревзойденными подлинниками эпохи Возрождения. И долго еще в грядущих временах будут свер-

КНИГА О ПОЭТЕ АЙ ЦИНЕ

Наш читатель полюбил близкую нам по духу литературу народного Китая, и естественно его желание подробнее узнать о жизненном и творческом пути известного ему прозаика, поэта или драматурга.

К сожалению, здесь его постигает неудача: нет или почти нет статей и книг, посвященных одному имени, рассказывающих о каком-либо одном писателе.

Тем не менее становится факт выхода в свет книги В. Петрова о талантливом и хорошо известном у нас в Советском Союзе китайском поэте Ай Цине, выпущенной Государственным издательством художественной литературы.

Поэт привлек к себе сердца читателей глубоким и активным восприятием окружающего мира, тонким чувством природы, любовью к трудящемуся человеку. Запомнились его ранние стихи о рассвете, что в огненных одеждах своих появляется в темном окне, о рассвете, прихода которого с нетерпением ждал поэт. Шли годы, приносила с собою все новые испытания, поэт становился взрослее, зрелее, креп и мужал его талант, больше силы появилось в его голосе. Но, как и прежде, его трогает до слез близкая с детских лет родная природа, как и в юности волнует его первая восторг о рассвете. И снова, как десять-пятнадцать лет назад, доносится до читателя знакомый голос: «Сегодня я проснулся на рассвете, услышав птиц далеких голосов».

Читая стихи поэта, мы видим утренние зори и вечерние сумерки Китая, видим и цепь бесконечных страданий, из которых складывалась жизнь народа в те недавние времена, когда

«...в реках Китая — Не пресные воды, А слезы народа Текии, солонь».

А когда наступил благословенный час освобождения, поэт возвестил нам о том, что Китайцы — Четвертая часть человечества —

Встал! Во весь исполинский рост. Читатель узнал нежность и мужество поэзии Ай Цина по его стихам, как знала В. Петрова рассказывает о том, как развивался талант замечательного поэта. Это небольшая книга, в ней всего 114 страниц, и, однако, автор сумел рассказать в ней о пути Ай Цина, революционера и поэта.

Вот глава «Начало пути», тяжелое детство поэта, жившего среди людей жестоких и равнодушных. Но замечательным было время, в которое рос будущий поэт: девятилетним мальчиком встретил он «Явление 4 мая» 1919 года, всколыхнувшее весь Китай и революционизировавшее молодое поколение. Жизнь Ай Цина во Франции, занятия живописью, первые стихи, написанные в гоминдановской тюрьме в 1932 году, и, наконец, «Даньнь» — книга стихов, вышедшая в 1936 году. В ней много всяческих вынуждений, от которых поэт еще придется освободиться, но в ней звучит горячая любовь к родине, сострадание к горю народному, в ней уже появляется и интернациональная тема, с которой поэт не расстанется и которая займет большое место в сборнике 1945 года «Против фашизма».

«Поэзия и война за освобождение» — называется глава книги, в которой В. Петров говорит о суровых днях борьбы с японскими захватчиками. В эту пору выходят в свет поэмы Ай Цина «К солнцу» и сборник его стихов «Север», как правильно замечает В. Петров, — один из лучших книг китайской поэзии времени национально-освободительной войны.

В. Петров в главе «Иньбэн — кузница революции» верно говорит об огромном значении центра Готангунского района Шэньси — Ганьсу — Иньбэн для развития литературы во время войны против японских захватчиков. С марта 1941 года по сентябрь 1945 года Ай Цин живет в Иньбэне.

В этот очень плодотворный для него период он пишет поэму «Золотая».

И в этой и в следующей главе книги мы узнаем Ай Цина-прозаика. Автор книги цитирует дневники поэта, прекрасную прозу, политически устремленную, ясную, лаконичную, пронизанную поэзией высоких чувств, поражающую удивительными описаниями природы.

Мы считаем книгу до конца и представляем себе поэта-коммуниста, лирика и трубаду, публициста, теоретика искусства, борца за коммунистическое мировоззрение, представляем себе и поэта, пройденный этим человеком от преодоления мелкобуржуазных влияний в собственном творчестве до активного участия в создании литературы социалистического реализма.

Таковы безусловные и немалые достоинства работы В. Петрова. И все же читатель вправе предъявить автору две претензии.

Первая из них — почти полное отсутствие анализа художественных достоинств поэзии Ай Цина. В. Петров говорит о том, что для творческой манеры поэта «характерно тонкое знание природы и острая наблюдательность художника-пейзажиста», что «созданные им образы привлекательны своей неповторимой свежестью и непосредственностью», во все это, к сожалению, утверждения, не подкрепленные доказательствами.

Мы согласны с автором книги, что «поэзия Маяковского, полная светлых красок и революционного оптимизма, многие образы его стихов близки поэзии самого Ай Цина». Это очень верное положение. Но только улыбку может вызвать способ доказательства: «Со строками стихотворения Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»:

Светит всегда, светит всегда, до дней последних донца, светит — и никаких гвоздей! Вот лозунг мой — и солнца!

перекликаются доверенные стихи Ай Цина «Солнце» и «Рассвет», поэма «К солнцу» и многие стихи из сборника «Восток о рассвете».

В. Петров пишет: «Ай Цин сближается с Лу Синем прежде всего общность взглядов на литературу как на средство возного воспитания людей, оружие перестройки старого мира». Китайская литература сильна лунсиневскими традициями, одним из продолжателей которых является поэт Ай Цин, но только при глубоком раскрытии этих традиций становится ясным, что сближает Ай Цина, как и его товарищей по поэзии, с великим основоположником социалистического реализма в китайской литературе.

Читатель мог бы примириться с неполнотой художественного анализа, с упрощениями, за которыми не следует примерять и доказательства (скажем, «Новое содержание требовало и новой формы стиха» без характеристики этой новой формы), если бы автор дал ему случай насладиться поэзией Ай Цина в цитируемых отрывках. В. Петров не всегда делает это, слишком часто предпочитая подлинный перевод поэтическому переосмыслению, как ни странно, иногда даже там, где стихотворный перевод существует. Можно ли так говорить о поэзии? И в этом — второй недостаток книги.

Задача автора была нелегкой, потому что он не имел предшественников. Им написана первая книга о поэте, да к тому же это и первая, сравнительно большая работа самого В. Петрова, молодого литературоведа-китайца.

Книга нужна и полезна и в том виде, в каком она выпущена сейчас. Если за первым изданием последует второе, автору необходимо будет дать книге большую поэтическую наполненность и повысить ее исследовательский уровень.

Л. ЭЙДЛИН

Искусство живописи и современность

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

ны художников представляют живопись в той мере, в какой наличествует в них не простая фиксация, а политическое видение явлений действительности, озабоченный внутренний свет и посланное внутренним голосом художника. Это относится ко всем жанрам живописи, в том числе и к портрету.

Портрет всегда был отражением взгляда художника на свой век и всегда требовал от художника определенности. Вот почему там, где портрет не освещен, не прояснен до самых глубин светом творческого постижения примечательного в человеке, а не только лишь замечательного, там не ищите искусства. Разнообразие в характеру изображаемого не мешает. Если внешние средства художника не служат всецело раскрытию внутренних свойств человека, трудно ему рассчитывать на поддержку со стороны внешних признаков модели. Не помогают ни оригинальные черты лица, ни случайные незакономерные жесты, как будто вытиснутые из кинокадра, застывшего случайно на месте, как это заметно в некоторых последних портретах А. Герасимова. Не там, где превалирует поза, а там, где прорывается вся натура, весь глубинный склад характера, рождается образ человека в портрете. Интересны скульптурные образы — портреты С. Боненкова. В них мастер и в прелюдных своих годах обнаруживает удивительную силу творческого духа и мудрость мыслителя. Подлинно классический его «Сократ» и «Чарльз Дарвин» и «М. П. Муромский», и он сам в автопортрете. В хорошо продуманных портретах В. Ефанова — художника В. Вакшева и композитора Ю. Шапорина — ярко выражено величие мысли этих художников. Эти же качества отличают и портрет скульптора Н. Никогосьяна работы М. Сарьяна, написанный совсем в иной манере, но где тоже же почтенно глубокой внутренней характеристикой. Кстати, и сам Никогосьян показан на выставке вдохновенный скульптурный пор-

трет А. Хачатуряна, творца музыки. И пусть поражает неопытный глаз, но все же не радует «Портрет жены художника» А. Лактинова. Слово задавшись целью перенести цветную фотографию, он и создал скорее цветные фото, чем произведение живописи. Нельзя было следовать натуре ни в портрете человека, ни в природе.

В суждениях о нынешней выставке было подмечено желание художников расширить изучение страны... Но в какой мере связано это изучение страны с углублением искусства живописи? Не с большим ли успехом пожат на страну фотопортреты и операторы цветной кинохроники? В искусстве пейзажа главное ведь не в копировании, не в списывании с натуры ландшафтов, не в географическом фотографизме, даже самом совершенном. Главное — в поэтическом явлении, творимом по мотивам природы.

А эти поэтические явления, этих чарующих постижений тайн природы мы видим на выставке не так уж много. Пейзажисты мало ищут и, увлеченные не своими пейзажами, часто не то извлекают из природы, что надо. Их увлекают эффектные, так сказать, крупные планы пресмыкающихся небыстрого движения, расчленившие на броское и краткое восприятие, и они редко стремятся к богатству подробностей и многоплановости, то есть к такому пейзажу, который можно долго и часто читать и всегда находить в нем или примысливать к нему новое.

Вот почему, проходя мимо этих картин, мы останавливаемся в глубоком созерцании перед «Гималаями» Чуйкова, почему нас радует Романян в Северной серии, Шовкуненко, Паулюк, Кукрынички в серии малых пейзажей, Шегаль в городских пейзажах, М. Сарьян с его исключительным по изяществу и тонкости вкусу, по истинному дару раскрытия чар прекрасной родины своей Армении с всегда новым Араотом.

Иногда я думаю: как бы мне хотелось увидеть на выставке этот пейзаж с видом Альбурга, и все разные, или это пейзаж Красной площади — и все разные! Для чего? Что за прихоть?

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51 Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-84-28, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.